

**«Быть шалопаем —
это мучительный труд»
(К.И. Чуковский)**

В.А. Карнов

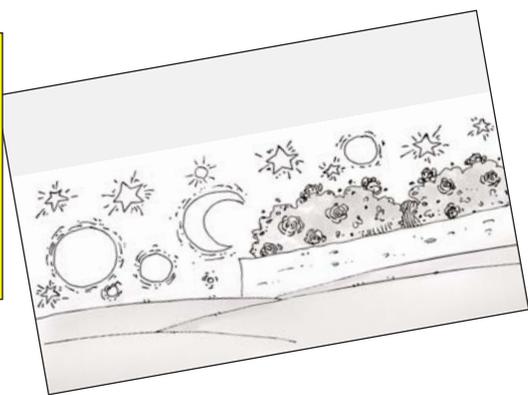
Один из самых знаменитых русских писателей XX века, Корней Чуковский, тем не менее, для большинства читателей — личность малоизвестная. На поверхности — всенародная слава классика при жизни, ордена и премии, в том числе главная премия в СССР — Ленинская, степени доктора филологических наук и почётного доктора Оксфордского университета и т.п. В глубине — судьба трагически тяжёлая, огромный талант, который не был до конца реализован.

Корней Чуковский — псевдоним, ставший законным именем не только для самого писателя, но и для его потомков. С настоящим именем — сложнее: в 1882 году в Петербурге родился мальчик, внебрачный ребёнок прачки с Полтавщины Екатерины Осиповны Корнейчуковой и студента Эммануила Соломоновича Левенсона. Мальчик при крещении был наречён Николаем Васильевичем Корнейчуковым. Отчество он получил, по всей вероятности, от имени крестившего его священника и был записан крестьянином Херсонской губернии.

И хотя к тому времени у родителей Николая уже была дочь Мария, пожениться и узаконить детей они не смогли. Почему? Точных данных нет. Можно предположить, что брак между иудеем из состоятельной семьи и христианкой из простолюдинов считался невозможным. Вскоре после рождения Николая семья переехала в Одессу, где прошло детство и юность будущего писателя.

Одесса второй половины XIX века переживала пик своего расцвета: крупнейший южный порт империи, свободная экономическая зона, город глубоких культурных традиций, в котором причудливо перемешались языки и традиции десятков народов.

Парадоксально, но ни мягкий черноморский климат, ни потряса-

ющая архитектурная красота Одессы — ничто не заставило Николая Корнейчукова по-настоящему любить этот город. Виной всему — горькое чувство незаконнорождённого изгоя. Ведь в XIX — начале XX вв. в России неполные семьи были исключением, и общественное мнение было по отношению к ним жестоко: клеймо «байстрюка» обеспечивало пренебрежительное и подозрительное отношение к человеку, закрывало путь к образованию.

Будучи уже знаменитым писателем, Корней Чуковский напишет автобиографическую повесть «Серебряный герб» (первое издание — под названием «Гимназия» — 1938 г.). Но эта книга скорее не о школе, а о становлении личности и — о семье. И образ матери главного героя, выписанный с бесконечной любовью, — один из лучших в ряду подобных ему во всей русской литературе.

Действительно, Екатерина Осиповна, малограмотная крестьянка, была человеком строгого нрава, чрезвычайного трудолюбия и редких для человека её положения духовных запросов. Потому она из последних сил старалась дать детям образование. Однако Николая в 1898 г. исключили из пятой одесской гимназии. Основная причина — отнюдь не плохая успеваемость, но печально знаменитый «закон о кухаркиных детях», которым император Александр III стремился ограничить престолярью доступ к образованию. Закончить гимназию ему удалось с большим трудом экстерном, но о высшем образовании пришлось забыть. Впоследствии писатель не раз горько сожалел о недостатке академического образования, о чём ему не раз и всегда нехоти напоминали коллеги.

Трудовой путь Николая Корнейчукова начинался с чёрной физической работы. Но он не мыслил себя без литературы, которой фанатично увлёкся с детства. Поэтому довольно скоро он становится журналистом. Огромное трудолюбие и молодая энергия позволили продвинуться в профессии. К тому же помогло довольно экзотическое по тем временам увлечение – английский язык. В результате репортёр Чуковский становится корреспондентом газеты «Одесские новости» в Лондоне, где проводит больше года, тщательно изучая английскую культуру и язык. Отныне переводы с английского станут одним из его основных занятий, а со временем достигнут вершин мастерства.

Постепенно Корней Чуковский переходит от репортёрской работы, не удовлетворявшей его, к литературной критике, быстро набирая авторитет в этой области. В 1905 г. сбывается его мечта: он переезжает в столицу, город, в котором родился и в который был влюблён, – в Петербург.

Здесь входит в круг столичных литераторов, публикует множество статей в солидных изданиях, выходят его книги по самым разнообразным литературоведческим проблемам. Круг интересов Чуковского необычайно разнообразен: современная русская литература всех направлений, массовая культура, детская литература, Чехов и Некрасов, Уолт Уитмен и Оскар Уайльд.

Он становится популярен, его статей ждут и... боятся. Литература была для него почти религией. Писал он ярко и страстно, не щадя никого, т.к. не прощал малейшего дурновкусия и фальши. Отсюда конфликты и обиды со стороны друзей-литераторов, например, размолвки с Леонидом Андреевым, Сашей Чёрным и другими. Корней Чуковский обладал несомненным природным актёрским даром. Он был подчёркнуто артистичен, даже эксцентричен в поведении, очаровывал и захватывал своим обаянием, в то же время был хитёр и язвитель.

Все эти качества проявлялись и в его деятельности критика. Так, будучи подающим надежды и уже достаточно известным специалистом, Чуковский прочитал в со-

брани столичных литераторов сенсационную лекцию, в которой поведал об открытом им талантливом русском лирике XIX в. Лекция сопровождалась биографическими деталями и чтением стихов, которые вызвали восторг слушателей. Смущение и досада охватили аудиторию, когда лектор сообщил, что поэта он выдумал сам, а стихи принадлежат Фету и Тютчеву. Увлечение просветителя в сочетании с озорством – в этом весь Чуковский.

Нужно заметить, что время, в котором Корней Иванович развернулся как литератор, было очень благоприятным именно для литературы, переживавшей, по всей вероятности, последний настоящий бум своей популярности. Достаточно сказать, что не только писатели, но и лекторы-литературоведы пользовались большой популярностью. Чуковский же считал, что об искусстве нужно говорить на всем доступном языке, а не только на узкоспециальном. Сам он, блестящий оратор и глубокий аналитик, разъезжал по стране с лекциями, собирая многосотенные залы, что абсолютно непредставимо в эпоху электронных массовых коммуникаций и господства масскультуры.

Корней Чуковский был одним из первых исследователей масскультуры. С чувством истинной брезгливости относился он к людям духовно убогим, с невзыскательным вкусом. И как только не называл их в своих статьях: готтентотами (дикарями), паюсной икрой, новорождёнными устрицами, павианами и прочими немилосердными именами. Уже в первом десятилетии XX в. он опубликовал ряд серьёзных исследований и прежде всего – «Нат Пинкертон и современная литература» (1908). Человек высочайшей художественной требовательности, Чуковский не стал просто отмахиваться от низкосортной культурной продукции: он пристально вчитался в романы-боевики, просмотрел множество тошнотворных по убожеству фильмов и пришёл к неутешительным выводам: новым дикарям не нужны культурные достижения человечества, они ориентированы на самые примитивные психические реакции. Если раньше примитивные

люди «рождались, копошились и умирали... в молчании, в тишине, как немые», то теперь у них появилась возможность заявить о своём мировидении – в масскультуре; и самый неутешительный вывод – нынешний «культурный папуас» сам активно формирует под себя рынок, теперь уже продукции культуры массового потребления. По прошествии ста лет эти мысли, к сожалению, не потеряли актуальности. Всю свою долгую творческую жизнь Чуковский, как одержимый, будет бороться с «культурным папуасом», время от времени впадая в отчаяние от собственного бессилия.

Корней Иванович Чуковский до самозабвения любил детей. Он мог оставить любую взрослую компанию и переключиться на детскую, моментально беря на себя лидерство во всех детских играх и забавах. Дети, в свою очередь, воспринимали его просто с восторгом.

Своих собственных детей (а их было четверо) он всегда воспринимал как ярких личностей: он не только не удалял детей из своей взрослой, всегда именитой компании (А. Блок, В. Маяковский, М. Горький, И. Репин и многие другие), но всегда брал с собой на литературные мероприятия, даже в командировки, всячески поощрял занятия литературой. Не случайно его сын Николай Чуковский и дочь Лидия Чуковская стали писателями.

Но Чуковский не просто отдыхал, играя с детьми. Одарённый учёный, он накапливал наблюдения, анализировал. Уже в 1906 г. появилась его первая работа, посвящённая миру детства. Эта тема со временем занимает в творчестве Чуковского всё более заметное место. В 1909 г. он опубликовал статью с характерным названием «Спасите детей», в которой писатель обращает внимание на недостатки современной детской литературы: во многом слащавая и дидактична, мало учитывает реальные потребности детей.

Отметим, что разносторонне одарённый Корней Чуковский одним из первых занялся тем, что сегодня именуется возрастной психологией. Именно он настаивал на том, что ребёнок – не просто недоразвитый во всех отношениях взрослый, а

человек со своим цельным, но иным, чем у взрослого, мировидением, воображением, мышлением в целом. Как раз такого ребёнка и не замечали детские писатели. Неуёмная энергия и талант Чуковского привели его от теоретических выкладок к художественному творчеству, в котором он поистине дал образцы для подражания.

Сказка «Крокодил» сразу же сделала его знаменитым уже не только среди знатоков искусства. Произведение было завершено и опубликовано осенью 1917 г., что впоследствии давало и сейчас даёт поводы для вполне политизированной интерпретации сказки. По сюжету произведения, некий крокодил, гуляя по улицам российской столицы, подвергается издевательствам:

А за ним-то народ
И поёт и орёт:
– Вот урод так урод!
Что за нос, что за рот!
И откуда такое чудовище?

Естественно, что Крокодил прибегает к самообороне:

Усмехнулся Крокодил
И беднягу проглотил,
Проглотил с сапогами

и пашкою.

Страшное чудовище побеждает храбрый мальчик Ваня Васильчиков, и Крокодил с позором бежит к себе в Африку (за границу!), где собирает войнство, чтобы освободить томящихся в петроградском зверинце животных. Ужасы оккупации прекращает опять же Ваня, благодаря усилиям которого воцаряется идеальная гармония, в которой звери свободны от издевательства со стороны людей, но и сами становятся ласковыми вегетарианцами. Чуковскому приходилось оправдываться перед победившими большевиками, что он не имел в виду события лета–осени 1917 г., но только призывал всё живое к миру и дружбе, ведь сюжет сказки скорее навеян долгой и бессмысленной мировой войной.

Только потребителю-ребёнку совершенно не интересно, как взрослые упражняются в филологическом остроумии и политических интригах вокруг текста. Так что же должен прочитать ребёнок? Учитывая тот

факт, что ребёнок обладает живым воображением и меньше, чем взрослый, контролирует плоды фантазии и намного больше им доверяет, то и значительный отрыв от реальности в художественном образе ребёнок воспринимает как должное.

Другими словами, дети не предъявляют к произведению требований соответствия действительности. Более того, ребёнка, лишённого здорового чувства абсурда, нужно показать врачу. Поэтому маленького человека несколько не раздражает то, что крокодил разгуливает по улицам, курия при этом папиросы и разговаривая по-турецки, а проглоченный им городской возвращается целым и невредимым и т.д.

Вчитываясь в сказки Чуковского, с удивлением обнаруживаешь, что они написаны в жанре... комикса, критике которого писатель посвятил ряд исследований. В самом деле, как и положено юмористическому комиксу, сказки Чуковского снабжены просто ураганным темпоритмом. Автор постоянно подчёркивает характер движения: бегом, кувырком; все ликуют и танцуют; помчался стрелой; вприпрыжку понеслись; всё вертится и кружится и несётся кувырком (излюбленный эпитет Чуковского!) – список может быть очень длинным.

При этом предметы возникают по принципу «вдруг откуда ни возьмись», их появление и последующее участие в действии подчинено решению просто сиюсекундных задач. Дозы гиперболы и гротеска в такой образной системе – гигантские. И вот уже брюки сбегают от хозяина, а сам он бежит через весь город, спасаясь от кусачей... мочалки; крокодилы с аппетитом едят... калоши; в награду Ване Васильчикову везут... тысячу порций мороженого; жираф (!) от волнения забирается на шкаф (откуда он?!), и оттуда сыплется посуда; наконец – волки от испуга скушали друг друга. Ничего не напоминает? Правильно – хорошо знакомые нам мультфильмы-комиксы, например «Том и Джерри».

Нет жанров хороших и плохих, есть конкретные произведения, качество которых и нужно оценивать. Прав был Корней Иванович,

когда негодовал по поводу насилия в журнальных и киношных комиксах (при его жизни, кстати, недоступных гражданам СССР). Однако представляется, что дело не в насилии как таковом, а в его, так сказать, количестве и качестве. Ведь в сказках самого Чуковского достаточно много насилия, но оно не чрезмерно и всегда художественно оправдано: сначала отрицательный герой (паук, таракан и пр.) совершает насилие, потом получает по заслугам, и справедливость восстанавливается при помощи того, что сегодня в искусствоведении принято называть позитивным насилием.

Озорство сказок Чуковского далеко от сдержанной фантазии и чинного юмора взрослых, что подчёркивается стихотворной формой, также далёкой от строгости. «Фирменный» знак стиха Чуковского – его ритмическое разнообразие: он не связывает себя строгой конфигурацией строф, в его стихотворных абзацах количество стихов произвольно. Произвольна и длина стиха, постоянно изменяется размер. В литературоведении появилось даже выражение «корнеева строфа» для обозначения явления, в котором 6–8-сложные стихи сочетаются с 11–12-сложными, последний стих в таком образовании – холостой, часто с излюбленным Чуковским дактилическим окончанием. Обильно используется внутренняя рифма:

Он рычит, и кричит,	6
И усами шевелит:	7
«Погодите, не спешите,	8
Я вас мигом проглочу!	7
Проглочу, проглочу,	
не помилую». 11	

В одном из самых своих знаменитых произведений, книге «От двух до пяти», Чуковский формулирует заповеди для детских поэтов, в которых содержатся умнейшие рекомендации для литераторов (и педагогов), основанные на учёте особенностей детской психологии. Здесь: «графичность» художественного образа; подвижность и переменчивость стихотворного ритма; опора на глаголы, но не на прилагательные; повышенная музыкальность поэтической речи; постановка рифм на максимально близком расстоянии и др. Следуя этим прави-

лам, Чуковский делал свои стихи свежими и острыми и сразу же приобрёл огромный успех у читателя. Но исполнение последней заповеди доступно далеко не каждому поэту: «Поэзия для маленьких должна быть и для взрослых поэзией».

С приходом к власти большевиков перед многими художниками встал вопрос – уехать или остаться. Многие товарищи Чуковского, те же Репин, Андреев, Саша Чёрный, покинули Россию. Чуковский решил остаться, чем обрёк себя на муки сначала страшным голодом и нищетой первых лет советской власти, а затем – десятилетиями изнурительной и унижительной борьбы за право писать. Пожалуй, в истории России никогда не было такого засилья тупых и малограмотных чиновников, как в первые 30–40 лет власти коммунистов. Уже в первой половине 1920-х гг. сказки Чуковского стали запрещать под теми предлогами, что в тексте упоминается Петроград и городской (ведь история страны начинается с большевиков!), трубочисты (пролетариат!) названы нечистыми, муха денежку нашла – призыв к обогащению...

Со своими статьями против Чуковского выступают даже полуграмотные жёны вождей Свердлова и Крупская. Последняя пишет по поводу «Крокодила»: «Что вся эта чепуха обозначает? Какой политической смысл она имеет? Какой-то явно имеет. Но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудновато». Уровень «анализа» – пещерный, но, к несчастью, такие оценки становились командой к депрессиям.

Может быть, что-то в сказках Чуковского давало пищу для подозрений в неблагонадёжности? Подозревали и большевики, но это естественно, так как чисто психиатрический диагноз любого тоталитарного общества – паранойя. В представлении современного исследователя И.В. Кондакова, Чуковский ловко шифровал в сказках свои разногласия с советской властью. Так, даже массовое заболевание африканских зверей в «Айболите» должно намекать на начавшийся в результате коллективизации голод (!!).

В самом деле, можно ли интерпретировать злобного таракана в «Тараканище» (1923) как выпад против Сталина (а ведь эта кличка, по многим свидетельствам, была у диктатора, носившего пышные рыжеватые усы)? Нет, так как в период создания сказки Сталин был ещё малозаметен. И да, так как в стихотворении сконструирована модель диктатора и механизмов его прихода к власти. Если разобраться, говорит умный дедушка Корней, для захвата власти главное – не физическая мощь захватчика, а его наглость и, главное, трусость, эгоизм и разобщённость гораздо более сильных и крупных существ:

Но быки и носороги
Отвечают из берлоги:
«Мы врага бы
На рога бы.
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже
не дешёвы».

Чуковский не первый, кто сформулировал подобные идеи. Скорее всего, эти мысли он, знаток английской литературы, мог почерпнуть в «Книге джунглей» Редьярда Киплинга (тигр Шерхан в борьбе за власть).

Можно ли рассматривать «Путаницу» (1926) как аллегорию большевистского переворота? При желании всё можно. Но правильнее будет усмотреть в этом тексте критику неких поведенческих и психологических моделей. Это о людях, которые, обуянные гордыней и легкомыслием, пожелали исполнять совершенно не свойственные им социальные роли. В результате структура общества была насильственно нарушена, что привело мир на грань глобальной катастрофы. Всё закончилось, как и положено в сказке для младшего возраста, благополучно, пожар (так и просится истолковать как метафору) потушен. Но в память должны запечатлеться увещания умного зайца:

Кому велено чирикать –
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать –
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам
под облаком!

А это не что иное, как призыв к сохранению разумной общественной стабильности, современный в любое время. Таким образом, получается, что в сказках Чуковского содержится то главное, что должно быть в любой сказке, – вневременные истины. И сама жанровая форма сказки, как никакая другая, позволяет хранить мудрость в силу предельной степени художественной условности. А мудрецов подозревали всегда, да и обижались на них – всегда.

Корнею Чуковскому повезло, что он избежал лагерей и ссылок. Однако к нему была применена обычная для полицейского государства практика запрета на профессию. С конца 1920-х годов по середину 1930-х сказки Чуковского не публиковались, была развёрнута позорная борьба с «чуковщиной», борьба со сказкой как жанром. Бездари и проходимцы соорудили теорию, позволявшую вытравлять всё талантливое. Согласно советской пропаганде, в стране, строящей социализм, всякая фантастика в искусстве вредна, так как уводит детей от конкретной жизни в сторону реакционной мистики; всякая сказка бледнеет перед достижениями советского человека; детям нужны преимущественно научно-популярные книги.

Если учесть, что Чуковский уже был изгнан из литературной критики, то материальное положение его большой семьи стало катастрофическим. О морально-психологическом состоянии говорит его дневник, в котором поселяются тоска и отчаяние. Да и в последующем, примерно до второй половины 1950-х, его произведения многократно и неожиданно запрещались или уродовались цензурой.

Талант художника – тонкий организм; разрушить его легко, что и произошло с Корнеем Чуковским. Годы и годы откровенных издевательств и мелочной борьбы с чинушами постепенно иссушали душу, и если в начале 1930-х гг. он говорил о сотнях сюжетов сказок, которые толпятся в его мозгу, то постепенно перерывы в художественном творчестве становились всё более продолжительными, пока источник не иссяк совсем. Произошло это в 1946 г., когда

неожиданно и грубо, с шельмованием, была остановлена публикация невинной сказки «Приключения Бибигона». А жить ему оставалось ещё целых 23 года...

Корней Иванович Чуковский был невероятным тружеником. Общее количество опубликованного им не поддается точному учёту, так как, наряду с талантливым и по-настоящему глубоким, им было написано огромное количество статей-однодневок, создававшихся для заработка: ведь он никогда не занимал никаких официальных должностей, а жил только на гонорары. Врать и приспособливаться к «линии партии» он не хотел, и поэтому труд литератора был для него единственным смыслом жизни и спасением. Он работал в нищете и голоде, в бессоннице и болезнях, у постели умирающей дочери. И как всё-таки много успел этот талантливый, честный и благородный человек – и в науке, и в искусстве. Но остаётся большой вопрос: насколько велико количество чудесных сказок Корнея Чуковского, которые украдены у нас «властью рабочих и крестьян»?

Литература

1. Воспоминания о Корнее Чуковском. – М., 1977, 1983.
2. Кондаков, И.В. «Лепые нелепицы» Корнея Чуковского : текст, контекст, интертекст / И.В. Кондаков // Общественные науки и современность. – 2003. – С. 158–176.
3. Липовецкий, М.Н. Сказковласть : «Тараканище» Сталина / М.Н. Липовецкий // НЛО. – № 45.
4. Лукьянова, И. Корней Чуковский / И. Лукьянова. – М., 2006.
5. Сивоконь, С. Чуковский и дети / С. Сивоконь. – М. : Знание, 1983.
6. Чуковская, Л.К. Памяти детства : воспоминания о К. Чуковском / Л.К. Чуковская. – М. : Московский рабочий, 1989.
7. Чуковский, К.И. Полное собрание сочинений в 15 т. / К.И. Чуковский. – М. : Терра – Книжный клуб, 2001.

Владимир Анатольевич Карпов – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга.